

МАРИОН ВУДМАН

ОПУСТОШЕННЫЙ
ЖЕНИХ. ЖЕНСКАЯ
МАСКУЛИННОСТЬ

Марион Вудман
Опустошенный жених.
Женская маскулинность
Серия «Юнгианская психология»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9371558

*Опустошенный жених: Женская маскулинность. Марион Вудман:
Когито-Центр; Москва; 2010*

ISBN 978-5-89353-183-1, 0-919123-42-2

Аннотация

В книге «Опустошенный жених» Марион Вудман предлагает свой взгляд на духовное развитие современной женщины. Основной внутренний конфликт зрелой женщины автор усматривает в искаженных отношениях с внутренней маскулинностью, этот конфликт лишает ее духовности и способности отстаивать истину. Такой разрыв внутреннего брака закономерно ведет к истощению внешних отношений и даже к отказу от них, к неизбежному разводу. Однако Марион Вудман указывает на пути восстановления творческого потенциала отношений жениха и невесты, для чего надо попытаться оживить и освободить маскулинную составляющую психики. Радикально изменяя представление о внутренней маскулинности как у

мужчин, так и у женщин, книга намечает дорогу к более зрелым отношениям между ними.

Содержание

Введение	7
Глава 1. Избавление от дракона: убийство или жертвоприношение?	17
Убийство дракона, сотворение души и метафора	34
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Марион Вудман

Опустошенный жених.

Женская маскулинность

Marion Woodman

THE RAVAGED BRIDEGROOM

Masculinity in Women

Перевод с английского: *В. И. Белопольского и В. К. Мершавки*

© Marion Woodman, 1990

© «Когито-Центр», 2010

* * *

Посвящается моим родителям, Эндрю Д. Буа и Айле Дж. Финн.

Огромную благодарность также выражаю Россу Вудману, Дэрилу Шарпу, Кэтрин Энн Скиннер и всем, кто проходил у меня анализ.

Марго Фонтейн и Рудольф Нуриев

Введение

Становится ли война полов в последнее время более ожесточенной? Влияет ли патриархальность на дистанцию между мужчиной и женщиной? Почему все усилия наладить отношения оказываются напрасными? Почему так важно понимать динамику бессознательного? Могут ли сны как-то помочь нашему исцелению? Эти и другие вопросы я постаралась осветить на страницах книги, которую вы сейчас держите в руках.

Будучи аналитиком, я каждую неделю имею дело с множеством сновидений, которые рассказывают мне мои пациенты. И хотя каждому из них образы сновидений кажутся сугубо личными, я вижу, что очень близкие и похожие образы возникают также в сновидениях других моих пациентов, а также участников семинаров, которые я проводила, разъезжая по всей стране от побережья до побережья. Когда я берусь исследовать ту или иную тему, то собираю материал двадцати-тридцати относящихся к ней сновидений. При этом я стараюсь определить, где находится заблокированная (и потому недоступная для Эго) энергия, как можно эту энергию высвободить и куда ее направить. Когда мне удастся понять, что стоит за определенным образным представлением, я выбираю конкретный сон, в котором отражены пути движения энергии пациента, концентрирую на них

внимание, а затем проверяю свои выводы на сходных сновидениях. Хотя каждый сон уникален для сновидца, в нем обязательно проявляются архетипические паттерны, в которых прослеживается энергия, скрытая в коллективном бессознательном. Они указывают на возможные пути для изменения сознания.

Все сновидцы, о которых говорится в этой книге, за исключением одного, в течение последних пяти лет проходили анализ и занимались телесными практиками. Они осознали необходимость медитации, концентрируя внимание на образе, который бы позволил им найти скрытую исцеляющую энергию и ее потенциал и мог бы служить их проводником в повседневной жизни. Эти люди овладели искусством интерпретации собственных сновидений. И хотя порой им требовался сторонний взгляд, чтобы помочь очистить символ от личного материала, в целом они могли ощущать и понимать содержание своего сна и – главное – с уважением относиться к непостижимым для них тайнам.

Многие сновидения, особенно те, которые приходят из архетипических глубин, напоминают классические драмы. В этих мировых впадинах рождается и истинное искусство, которое имеет определенное сходство со структурой, образами и языком сновидений – подобно фотоснимку реально осознаваемой ситуации, сделанному из бессознательного.

Утверждается, что во многих сновидениях современных людей, как и во многих произведениях искусства, содержит-

ся «груда обломков былых изваяний», пришедших из фрагментированного архетипического поля и обнаруживающих сходство с картинами, описанными в поэме Т. С. Элиота «Бесплодная земля» или в романе Д. Джойса «Улисс». Эти «обломки» проявляются на подпороговом уровне. Считается, что при переходе сновидения из сферы бессознательно-го в сферу сознания оно теряет часть своей энергии на подпороговом уровне, и потому, как отметил Элиот, слишком внимательное чтение иногда может больше мешать, чем помогать восприятию поэмы.

Также можно показать, что анализ сновидения напоминает подробный разбор шекспировского сонета на школьном уроке литературы. Однако если этот сонет увлек нас, то мы готовы проводить час за часом, вчитываясь в него, стараясь понять живой смысл главного образа, уясняя, каким образом аллитерации¹ выражают музыку согласных звуков (например, в такой фразе, как *session of sweet silent thought*²), и звуки вступают в резонанс с нашими чувствами, и все это и еще нечто непознаваемое сливается в гармонии четырнадцати строк, образуя великую целостность. Поняв это, мы сможем прочесть сонет вслух и застыть в благоговейном молчании, словно ощущая присутствие гения.

¹ Аллитерация – повторение в стихотворной речи одинаковых согласных звуков с целью усиления выразительности художественной речи. – *Прим. ред.*

² «...На суд безмолвных, тайных дум...» – начало 30-го сонета (пер. С. Я. Маршак). – *Прим. ред.*

То же самое можно сказать и о сновидениях. Но что это за потрясающий гений, в объятиях которого мы засыпаем каждую ночь? В какой из сфер конкретные образы раскрывают наш внутренний мир и связывают его с внешним? Как бы мы ни надеялись узнать имя этого гения, неизменно возникает только одна закономерность. Юнг называл ее естественным стремлением к целостности, которое направляется Самостью (образом бога и регулирующим центром личности).

Все происходит так, словно жизнь в истинном ее понимании предоставила нам возможность родиться несколько раз. Какое-то время мы движемся в ее потоке, а затем внезапно или постепенно нас перестает удовлетворять положение дел. Работа не интересуется нас так, как раньше, партнер уже не кажется привлекательным, а прежними путями не удастся прийти к цели. Сопоставив все это с естественным психическим ритмом, мы обнаружим себя в изоляции от мира, как бы в материнской утробе, лишенными уверенности в том, кто мы такие и что с нами происходит. Если удастся преодолеть боль сожалений о прежней жизни и вынести муки трансформации, мы переживем второе рождение. И тогда в течение нескольких последующих лет можно наслаждаться ровным течением жизни. Но наступит время, когда борьба противоположностей будет побуждать нас выйти на новый уровень осознания. Иногда мы ощущаем движение вверх, иногда – вниз, путь состоит из взлетов и падений, а корни лотоса, раскрывшего свой великолепный цветок навстречу

солнцу, уходят глубоко в питательный ил.

Эта книга посвящена развитию маскулинности и феминности – двух видов внутренней энергии, сосуществующих у каждого человека; обе эти энергии стремятся к достижению внутренней гармонии. Пока они проецируются на других людей, мы обкрадываем сами себя с точки зрения достижения зрелости и внутренней свободы. Пока мы не возьмем на себя ответственность за такие проекции, нам не удастся достичь подлинных межличностных отношений, ибо мы путаемся в своих собственных образах вместо того, чтобы использовать новые возможности, расширяющие наши границы.

Боль, которую люди испытывают при разрыве отношений, постепенно побуждает их осознать, что представляют собой высвобожденные маскулинность и феминность. Как мы можем освободить их от обветшалых мифологий, в которых они погребены?

Однажды вечером, включив телевизор, я узнала о трагедии, случившейся в Монреальском университете. Вооруженный мужчина с криком «Вот оно, сборище феминисток!» – ворвался в аудиторию, выгнал из нее мужчин и устроил настоящую резню, закончившуюся тем, что четырнадцать студенток были убиты, еще тринадцать человек ранены (вклю-

чая одного мужчину), после чего нападавший застрелился. В стране был объявлен траур, семьям погибших было выражено соболезнование. Общество скорбело, не в силах противостоять подобному насилию. Очевидно, речь шла о поступке человека с серьезными психическими нарушениями, однако психика таких людей нередко улавливает то, что происходит в коллективном сознании и бессознательном. Из дула автомата вырвалась глубоко укоренившаяся ненависть мужчин по отношению к женщинам, выплеснулся огромный заряд страха, горечи и ярости, накопившийся у тех и у других.

Наша всеобщая скорбь может трансформировать сознание так, что мы будем воспринимать убийство как жертвоприношение – настолько значимое, что оно может пробудить революционные настроения в обществе. С нас моментально слетели очки сентиментальности. Стали актуальными серьезные вопросы: не отражает ли разыгравшаяся трагедия, что наше общество больно какой-то серьезной болезнью, существует ли в нашем обществе угроза феминности, присущей тому и другому полу? Образы на экране телевизора напомнили сюжеты сновидений, в которых ясно просматривалась похожая ситуация, сложившаяся в бессознательном многих мужчин и женщин. Эта трагедия, эта воистину *человеческая* трагедия требует, чтобы каждый из нас взглянул на свое скрытое энергетически заряженное стремление к власти.

Это веяние стало ощущаться во всем мире. Несколько

сотен китайских студентов погибли, пытаясь противостоять старому режиму. Их смерть была не напрасной. Когда такая же буря поднялась в Чехословакии, граждане этой страны стали очевидцами того, как студенты, которых избивала полиция, вновь поднимались со словами: «Довольно, хватит!» Они стояли плечом к плечу на Вацлавской площади с горящими глазами, крепко стиснув зубы, и требовали свободы. В Польше Лех Валенса, прикрепив к лацкану пиджака изображение Черной Мадонны, решил встать во главе своего народа, чтобы свергнуть прогнившую власть. В день, когда я пишу эти строки, румынская армия присоединилась к народу, чтобы установить правовое общество. Практически все коренное население Восточной Европы поднялось против удушающих человеческую свободу диктаторских режимов. По всем признакам их победа не за горами. То же происходит в Южной Африке, в Центральной Америке и во многих других частях нашей планеты. Все народы планеты охвачены хаосом возрождения.

Тот же ветер перемен охватил Америку. Мы же не рискуем высунуть нос из теплого одеяла, самодовольно радуясь тому, что они там, в Старом Свете, наконец обрели свободу, которую мы уже давно получили. Свободу для чего? Чтобы мечтать о том, как взломать засовы концентрационного лагеря или убежать от наставленного на тебя дула пистолета? Свободу, чтобы выволить свою фемининность из лап безумца? Чтобы похоронить своего внутреннего ребенка в

куче мусора?

Пала Берлинская стена. Но Зеркальная стена, из-за которой мужчины и женщины не могут увидеть друг друга, возвышается до сих пор. Она незримо присутствует на улицах, в учреждениях и в отношениях между людьми. Опаснее всего, что она проявляется в бессознательном у сыновей и дочерей уходящего патриархального прошлого. Незаметная и коварная, построенная на проекциях и иллюзиях, эта зеркальная стена имеет искажающую кривизну. Сейчас, стараясь заполнить ее иллюзорное содержание, мужчины и женщины, оказавшиеся жертвами устаревших идеалов, обратились к своей истосковавшейся фемининности и ее истощенному спутнику – мужчине. Фемининность больше не будет молчаливой жертвой, и вместе с тем наступит конец остракизму маскулинности.

Чтобы уничтожить эту стену, необходимо спокойствие и самоотверженность. А их невозможно получить извне. Бессознательная динамика, которая пропитала нас до мозга костей, держит фемининность в плену патриархальности. И все же, если каждый из нас будет нести ответственность за своего внутреннего мучителя и внутреннюю жертву, то старые патриархальные комплексы будут обескровлены окончательно. Очистив себя от их энергии, мы обретем способность свободно любить.

Свобода – это не охранная грамота и не самолюбивый эгоизм. Быть психологически свободным – значит прежде всего

доверять своему внутреннему миру, нести ответственность за свою силу и слабость, за сознательную любовь к самому себе, а значит – и за способность любить других. В этом направлении нас ведут сновидения – по узкой и извилистой тропинке. Пусть инсайты и сновидения, представленные в этой книге, будут нашим вкладом – моих пациентов и моим собственным – в общие усилия, направленные на то, чтобы разрушить стену, которая мешает нашей свободе.

Торонто, декабрь 1989

Волшебством, бытия растворяющим грани,
Наполни всех нас, огнедышащий бог.
Людей, не знающих в жизни забот,
Без дна запредельное зло поджидает.

Дотла раствори все, что возраст вмещает
В обман превративший мудрость всех лет,
Афинское солнце нас согревает
И бога Египта воинственный свет.

Забудь о покое, пока меж полами
Грань не исчезнет: битва годами
Длится без смысла; детство открой

И материнское чрево бесплодное – горе,
Пусть, несмотря на препятствий строй,
Рождаются реки, текущие в море.

Райнер Мария Рильке. Из круга «Сонетов к Орфею»³

Итак, мы имеем трехмерную вселенную: рационально познаваемую вселенную, чувственную вселенную, а между ними – вселенную, для которой в нашем языке трудно найти подходящее понятие. Если мы используем слово *воображаемая*, то рискнем подать идею событийности, возможности. Это слово должно выражать всю силу технического термина, обозначающего объекты, созданные на основе *воображения*, – т. е. все то, что может воспринять Воображение, в котором столько же реальности и правды, как в ощущении, воспринимаемом через органы чувств, или в идее, воспринимаемой интеллектуально.

Генри Гордон. «Духовное Тело и Небесная Земля»

³ Стихотворный перевод Э. И. Альпериной.

Глава 1. Избавление от дракона: убийство или жертвоприношение?

Поскольку в повседневной жизни мужчины и женщины – равноправные партнеры, у них должно быть внутреннее основание для такого партнерства. Что внутри, то и снаружи. В жизни ничего нельзя достичь, не заложив прочный внутренний фундамент. Попытка преодолеть противоречия между полами приводит нас либо к постепенному соскальзыванию по наклонной плоскости взаимного непонимания, либо оставляет нас в подвешенном состоянии, т. е. в состоянии компромисса, не удовлетворяющего ни тех, ни других, поскольку и те и другие отчуждены от своей внутренней реальности.

Если один из полов начнет прислушиваться к требованиям другого пола; более того, если каждая из сторон начнет понимать свою внутреннюю потребность в целостности, то только в этом случае может быть восстановлено партнерство между полами, которое способствует личностному росту каждого. Более того, восстановление этого партнерства даст человеческому обществу определенные преимущества на всех уровнях взаимоотношений.

В Книге Откровения Святой Иоанн с Патмоса сообщает нам о своем видении грядущего человеческого сообщества.

Оно предстало пред ним в образе спускающегося с небес Нового Иерусалима, украшенного как красавица-невеста, идущая навстречу своему жениху:

И увидел я новое небо и новую землю; ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет.

И я, Иоанн, увидел святой город Иерусалим, новый, исходящий от Бога с неба, приготовленный, как невеста, украшенная для мужа своего⁴.

Иоанн оказался свидетелем вновь сотворенного внутреннего бракосочетания. «И сказал Сидящий на престоле: се, творю все новое» (21: 5).

Все мы осознаем, что планета Земля преобразуется в глобальное человеческое общежитие, и не можем не признать, независимо от того, нравится это нам или нет, будем ли мы в него вступать или нет, что мы все оказались вовлечены в революционный процесс, который нельзя остановить. Мы почувствовали себя более ранимыми и беспомощными, хотя вместе с тем получили возможность радоваться и творить. Осознать, что сегодня планета – единая страна, а все человечество – ее граждане, несколько легче, чем поверить в исполнение пророческого сна святого Иоанна. Но некоторые из нас представляли себе всемирное сообщество скорее небесным градом, воплощением пророчества святого Иоанна, чем вооруженным лагерем, в котором каждый человек, стоящий рядом, может оказаться потенциальным вра-

⁴ Откровение Иоанна Богослова 21: 1–5.

гом. Для трех самых распространенных мировых религий современный Иерусалим воплощает в себе стремление творить новое, но это стремление до сих пор остается в закосневших объятиях патриархальности. Именно из этого подросткового состояния и пытается сегодня выйти человечество.

Наше личное восприятие всемирного человеческого общежития, в котором мы живем, в значительной степени определяет различия в нашем образе жизни. Говоря о партнерских равных отношениях между полами (такое партнерство еще внове), мы должны четко понимать, говорим ли мы о партнерстве между врагами, которых следует опасаться, или о союзе любящих людей, жениха и невесты, которые с радостью идут навстречу друг другу.

«Плодитесь и размножайтесь» – это обращение Бога к сотворенным Им мужчине и женщине больше не имеет особого психологического смысла в мире, который и так уже угрожающе перенаселен. Плоды этого союза можно найти в любой сфере человеческой деятельности, они же, в широком смысле слова, создают поистине новый мир, понимаемый как наступление эры общечеловеческой расы. Чтобы такая надежда не превратилась в бесплодную фантазию, следует понять, в какой степени видение нового Иерусалима как «невесты, украшенной для мужа своего» отражает плодотворное партнерство полов на любом уровне и является движущей силой для его воплощения. Эта сила направляла

ход развития Западной цивилизации, начиная от родоплеменной общины вплоть до современного интегрированного глобального сообщества. Сегодня единый мир существует в реальности, а не в фантазии, и потому мы будем исследовать динамику, которая приводит к постоянному творческому партнерству полов.

Первая задача, с которой мы сталкиваемся, – поднять фемининность на новый уровень осознания, чтобы первичная материя (которая всегда ассоциировалась с женским началом) не ощущалась мрачной и темной, а освещалась изнутри собственным внутренним светом и служила бы светящимся сосудом, достаточно мощным, чтобы связать свое свечение и творческие способности с зарождающимся маскулинным сознанием.

Большой вклад в развитие осознающей себя фемининности внесла немецкая и английская романтическая поэзия. Поэты того времени прекрасно ощущали влияние пережитков дряхлеющей патриархальности, которая даже в XIX столетии проявлялась в разрушительной агонии старого режима, безуспешно боровшегося за выживание. Здесь вполне уместно процитировать строки стихотворения Мэттью Арнольда: «Блуждание меж двух миров, / Один уж мертв, другой бессилён для рожденья»⁵.

Джон Китс дважды пытался выразить эту мысль. В неоконченном эпосе «Гиперион» слышится, как изнывает

⁵ «Stanzas from the Grand Chartreuse», lines 85–86.

в муках его сердце и сердце таких же романтиков, стремящихся создать новый мир, основанный на фемининном сознании. Такое сознание способно воспринимать зарождающуюся маскулинность, которую Китс отождествляет с богом Солнца Аполлоном. Его глубокие поиски нашли отражение в фемининном образе Монеты⁶, который появляется в сновидениях как женщина с разбитым сердцем, наша современница, а иногда принимает облик Черной Мадонны.

Однажды у горы на склоне я золото нашел
И с болью ощутил, что взгляд мой источать
стал жадность. Все мрачное нутро мое перевернулось,
Извергнув груды золота наружу,
И потому мне больно было видеть,
Как под печальным строгим взором
Монеты светлый разум был в плен захвачен,
Тягостный и тесный, опустошая мозг ей
В черепа глубинах. Трагедией высокой
Скорбь обернулась на ее устах
И светом ясным наполнились космические очи
А голос – неземной, таинственной печалью⁷.

⁶ Монета – в переводе с лат. «Предупреждающая», эпитет Юноны, которая предупредила римлян о землетрясении; при ее храме чеканили металлические деньги, отсюда произошло слово «монета». С другой стороны, Монетой называли и Мнемозину, богиню памяти, мать Муз. – *Прим. ред.*

⁷ «The fall of Hyperion», canto 1, lines 271–282. Стихотворный перевод Э. И. Альпериной.

Проникновение Китса в женскую психологию намного опередило время. Его представление о жизни как о «юдо-ли сотворения Души»⁸ открыло новые источники душевной восприимчивости, которые позволили ему предугадать свою раннюю смерть в 25 лет.

Продолжавшийся в XX столетии поиск утерянной феминности в изобразительном искусстве, поэзии и танце в настоящее время стал совершенно осознанным в жизни многих мужчин и женщин, сосредоточивших внимание на личностном и духовном росте. Вместе с тем по-прежнему остается непреложным тот факт, что маскулинность, связанная с традиционной патриархальностью, воспринимает появление феминности как угрозу. Таким образом, основная задача для появления свободных партнерских творческих отношений состоит в избавлении маскулинности от патриархального страха перед феминностью. Насильственно пытаться насаждать феминность в рамках патриархальной традиции – значит приобрести в лице маскулинности, сформированной этой традицией, злейшего врага. Поэтому для появления новой динамики в отношениях крайне важно избавиться феминность от страха патриархальной маскулинности. Находясь в плену этого страха, ни тот, ни другой пол не в состоянии дать начало какому-то новому творческому процессу. Их отношения напоминают переговоры покупателя с виноторговцем при сухом законе, тогда как начать нормаль-

⁸ «Letter to George and Georgina Keats», Feb. 14–May 3, 1819.

ное обсуждение любой проблемы можно как минимум в обстановке доверия и откровенности, при отсутствии запретов.

Главным при обсуждении возможности появления осознающей себя фемининности становится освобождение слова от его привязки к той или иной гендерной роли. Сосредоточившись на отношениях между полами, я все сильнее ощущаю связь с внутренней основой этих новых отношений, связь, возникшую при соединении комплементарных каждому полу маскулинности и фемининности. Термин «осознающая себя фемининность», как и «осознающая себя маскулинность», применим и к мужчинам, и к женщинам. В наше время между полами существует такая же динамика, но она создает нечто новое и еще не получившее достаточного признания.

Зрелый мужчина и зрелая женщина нового времени будут соединяться не столько из-за стремления к объединению противоположностей, сколько из-за объединяющей их человечности. Эта единая для них человечность вовсе не исключает полового влечения. Лишенная невротических черт женская маскулинность привлекает сильных мужчин; лишенная невротических черт мужская фемининность привлекает сильных женщин. В мужском теле энергия проявляется совершенно иначе, чем в женском. Различие между полами как биологический фактор крайне необходимо для выживания человечества. Однако выживание на психическом или духовном уровне выводит нас за пределы биологии в об-

ласть, названную Юнгом индивидуацией. Единое человеческое сообщество, возникающее в результате глобализации, находясь в котором мы постоянно испытываем тревогу, но вместе с тем ищем более безопасное для жизни место, — это единство, вышедшее далеко за рамки сексуального влечения противоположностей. Оно превратилось в единение, ставшее результатом глубинной идентичности, настоятельно требующей взаимопонимания.

Не совершив работы, необходимой для осознания мужской и женской составляющих, мы снова и снова будем возвращаться к древним патриархальным образам, сохранившимся в застывших формах, реанимирующих патриархальный порядок. Пассивное подчинение этому порядку характеризует бессознательное отношение к обществу, оно подобно отношению детей к своим родителям, которые проецируют на них архетипические энергии, поддерживающие родительскую власть и подчеркивающие их значимость.

И хотя детям явно требуется ощущение безопасности, создаваемое архетипическими проекциями, они не могут безгранично подчиняться этой власти, не подрывая возможность собственного личностного роста. В худшем случае инфантильные проекции на родителей, если их вовремя не устранить, становятся основой для любой диктатуры, хотя тирания такой системы никогда не ощущается в полной мере, так как безопасность, которую она обеспечивает, превосходит издержки, связанные с подчинением.

В романе Достоевского «Братья Карамазовы» Великий Инквизитор, встретившись с вернувшимся на землю Христом, пытается убедить его словами, в которых содержится намек на то, что его ожидает второе распятие и ему не будет места в лоне церкви. Безопасность, предлагаемая христианам церковной властью, является матриархальной и патриархальной одновременно. Она настолько соответствует насущной человеческой потребности, что для нее существует лишь одна угроза – свобода, которую воплощает Христос. Распятие свободы во имя безопасности, обеспечиваемой всемогущими родителями, является, как считает Инквизитор, основой человеческого общества.

Старая косная мать подобна громадной ящерице, притаившейся в глубинах бессознательного. Она ничего не хочет менять. Если отважное Эго пытается чего-то добиться, она молниеносным движением своего узкого раздвоенного языка подавляет этот детский бунт. Ее супруг, прямолинейный и властный отец, поддерживает закон, утверждающий ее власть. Вместе они олицетворяют власть в образе железного кулака в лайковой перчатке. Мать принимает образ Матери-Церкви, Матери-Родины, Родной Школы, Университета, любимой и незабвенной Альма-матер, охраняемой Отцом, который превращается в Отца-Иерарха, Отца-Закон, Отца-Статус-кво. Мы бессознательно впитываем содержащуюся в этих архетипических образах энергию, которая, в отсутствие индивидуационного процесса, остается

на инфантильном уровне. Оставаясь неизменными и не поступая в сознание, которое, конечно же, сделало бы их менее заряженными энергией, эти внутренние диктаторы поработают человека куда более жестоко, чем диктаторы внешние.

В соответствии с моим пониманием патриархальности эти обветшалые родительские образы содержат энергию, препятствующую личностному росту. Пока они в силе, сознающая маскулинность и сознающая фемининность остаются только словами. И мужчины, и женщины, бессознательно попавшие в энергетическую ловушку, лишаются индивидуальной свободы и препятствуют проявлению этой свободы у окружающих. Женщины могут быть даже консервативнее мужчин. Миф о солнечном герое, открывающем в сражении с драконом путь к самопознанию, отягощен многочисленными убийствами. Энергия этого мифа уже иссякла, и сейчас мы боремся с насилием, вызванным ее последствиями. Более того, навязчивое желание взять верх над матерью, существующей в бессознательном, оставалось слепым к ее тайной победе. Вековые усилия, направленные на убийство дракона, завершились поклонением матери. Сыны и дочери патриархальности фактически оказались привязанными к матери.

Утрачен символический смысл убийства как жертвоприношения, ведущего к трансформации. Трансформация выводит энергию из бессознательного и направляет ее в сознание. Если рассматривать в деталях убийство дракона, то мать соответствует стихийной первичной материи, а ее де-

ти по-прежнему продолжают бессознательно поклоняться ее устаревшему образу из-за отсутствия осознания, побуждающего человека к трансформации. Без этого осознания убийство матери приводит к тому, что она возвращается, став еще более сильной, ибо она подпитывается энергией своего убийцы. Согласно мифу за смертью следует возрождение, но в нашей сверхматериальной культуре существует только смерть. Мы можем так и умереть, покоясь на мусорной куче собственных ошибок. С течением времени убийство дракона утратило первоначальный смысл и осталось всего лишь актом убийства, так и не став средством трансформации.

Патриархальность имеет истоки в одном из самых древних мифов человечества: в мифе о странствии героя. Согласно этому мифу, герой является наместником Солнечного бога, символа абсолютной власти, от которого зависит вся жизнь. Солнечный бог постоянно укрепляет свою абсолютную власть, сражаясь с силами тьмы, посягающими на его владения. «Да будет свет» – божественный закон, регулирующий акт созидания. Надев в честь Солнечного бога свои доспехи, символизирующие Солнце, солнечный герой отправляется в странствие во имя своего Бога Отца, чтобы совершить некий, по существу, патриархальный акт, который позволит ему идентифицировать себя с Творцом. Самое великое деяние мужчины заключается в повторении вечного акта творения. Против героя сосредоточены силы тьмы, которые по своей природе не могут породить свет, ибо получают его

от Солнца.

Одним из символов этой темноты является Луна с ее циклом, противоположным солнечному циклу. Лунный цикл, фемининный по сути, управляет ночью, тогда как днем управляет солнечный цикл. Однако свет Луны – не ее собственный свет, а отраженный свет Солнца. Таким образом, оказывается, связь между Солнцем и Луной символически раскрывает связь между полами. Фемининность, которую воплощают силы хаоса и тьмы, создается в сфере несущего свет мужского творения как отражение его власти.

Милтон выразил эту связь при описании библейских образов Адама и Евы:

Он – лишь для Бога, она – для Бога, который есть в нем⁹.

Очень близким к фемининности, изображаемой как лунный цикл, является образ дракона или змеи, с которой традиционно ассоциируется женщина. Причем этот образ формировался постепенно под влиянием мужской власти. Обычно в мифе о герое дракон должен быть убит. Тогда, когда в убийстве дракона нельзя усмотреть символический процесс трансформации, происходит отделение фемининности от ее жизненных истоков и материальной энергии (стихийной материи, матери). В этом случае женщина становится именно такой, какой увидел ее Фрейд, а именно кастрированным

⁹ *Paradise Lost*, Book 4, line 299.

мужчиной, и ее влагалище представляется мужчине открытой раной, вселяющей в него ужас, когда он впервые познает женщину.

Став идеализированным героическим действием, особенно в романтической литературе, убийство дракона влечет за собой избавление захваченной в плен девушки. Тогда из глубин солярного мифа можно извлечь такой вывод: феминность требует избавления от собственного мрака. Солнечный герой, который сражается за дух и свет, воплощающий всепроникающую энергию рационального инсайта, не может постичь эту темноту, опускающуюся на нас в виде женской загадочности. С незапамятных времен совершения Элевсинских таинств их участникам запрещалось о них рассказывать. Процесс творчества, происходящий в темной утробе, недоступен для солнечного света. С другой стороны, он недоступен и для влияния Луны. Таким образом, ключевым фактором для установления равенства полов становится трансформация страха маскулинности перед фемининными процессами. То, что могло бы заменить солнечному герою убийство дракона, которое многие мужчины до сих пор считают своей святой обязанностью, – это развитие фемининного сознания, которому убийство дракона очень часто мешает. К этой трансформации ведет именно осознанная интеграция бессознательной фемининности, а не ее отвержение. Дракона, родственного *deus absconditus*¹⁰ (незримому богу)

¹⁰ См. Jung, *Alchemical Studies*, CW 13, pars. 138–139.

алхимиков, вовсе не следует убивать. Дракон, как утверждает Юнг в книге «Ответ Иову», должен стать спасителем для всех живущих на земле¹¹.

Перемена в сознании, о которой идет здесь речь, могла бы потрясти основы, на которых веками покоилось мужское Эго. И все же нашему развивающемуся сознанию ясно, что убить дракона – значит в лучшем случае затормозить процесс трансформации. Характерной мужской реакцией на отказ от мифа об убийстве дракона в пользу процесса трансформации является первобытный страх, что силы тьмы могут одержать победу над силами света и, отрицая фаллическую энергию мужчины, поставить его в положение женщины. В таком случае мы сталкиваемся с реакцией мужчины на собственную фемининность – это нечто иное, чем угроза его маскулинности, завоеванной столь высокой ценой. Фактически в социальном опыте мужчины почти нет ничего такого, что помогло бы ему посмотреть на это по-другому.

Как же происходит этот резкий переход в сознании? Как мужчина может победить свой страх перед фемининностью или же полностью довести его до сознания, не вытесняя в мрачную пропасть? Ответ можно найти в понимании психодинамики самого творческого процесса – той самой психодинамики, в которой мужчины традиционно видели угрозу своему мужскому достоинству. Например, поэтическое

¹¹ См. *Psychology and Religion*, CW 11, par. 619. (Юнг К. Г. *Ответ Иову*. М.: Канон, 1995.)

творчество и даже его изучение до сих пор считается совершенно немужским занятием.

Тем не менее эту динамику вполне осознанно исследовали поэты-лирики эпохи романтизма. Больше всего их привлекала ответственность каждого человека за свой духовный рост и воспитание души. Тем самым они идентифицировали себя с психодинамикой творческого процесса, который Китс назвал «сотворением души». В этой деятельности активное и весьма существенное участие принимают оба пола. Они глубоко заинтересованы в том, чтобы обрести рождение на психическом уровне, считая, что отец ребенка, вынашиваемого в темном чреве творчества, – скорее сверхъестественное существо, чем обычный человек. Миф о непорочном зачатии в равной степени относится к мужчине и женщине, если воспринимать его с точки зрения психодинамики, управляющей сотворением души¹². Наука о рождении души называется психологией. Психология не может быть ни женской, ни мужской – только той и другой одновременно. Весьма примечательно, что в конце концов Фрейд почувствовал, что именно его патриархальная ответственность требует пожертвовать душой ради принципа реальности.

Не только мужчины боятся фемининности: женщины испытывают перед ней не меньший страх. Но женский страх имеет совершенно иную основу. Женщина креативна на био-

¹² См.: Marion Woodman, *The Pregnant Virgin: A Process of Psychological Transformation*.

логическом уровне. Переход от физиологии к психике, резкое изменение, произошедшее в сознании Девы Марии, когда перед ней предстал Архангел Гавриил, было тем скачком, которому ее физиология не только сопротивлялась, но которое вообще старалась отрицать. Тело противостояло психической реальности, стремящейся утвердить очевидное всемогущество своей власти. Мужской страх перед фемининностью исходит от страха перед тайной женского тела. Таинственную женщину тайно почитали на протяжении многих веков: ей посвящали обряды, традиционно связанные с подземными пещерами, и приравнивали ее к Богине Матери, которая у христиан отождествляется с Матерью самого Бога.

Женщины не обладают иммунитетом в отношении соблазнов телесной энергии. Детально разработанные ритуалы, созданные для увеличения этой энергии (производство косметики – одно из самых конкурентоспособных в мире), по-прежнему являются формой почитания пленяющей Тени бессознательной фемининности. Мужчины, связанные с солнечным мифом, особенно восприимчивы к этой Тени, ибо она является основной целью ритуального убийства дракона.

Юнг называл процесс сотворения души *opus contra naturam* – деянием против природы, – имея при этом в виду, что человек должен прилагать усилия, направленные против бессознательных природных влечений, ради освобождения сил душевных. Мужской дух в этом деянии стремится выйти за телесные границы, противостоять природному бессознательному.

знательному, игнорируя его во имя достижения совершенства бесплотной души. И наоборот, фемининность, которая в силу самой своей физиологии связана с телом, стремится к еще более конкретной материальности, испытывая при этом недостаток одухотворенности. Душе, главное в которой, как я это понимаю, – осознанная фемининность, одинаково угрожают и бесплотный дух, и конкретная материальность, однако ее очищение является неременным условием для создания новой взаимосвязи между полами.

Убийство дракона, сотворение души и метафора

Наверное, уже достаточно сказано о том, что мы попали в плен устаревшей мифологии. Мы видели, как Тень бессознательной фемининности при помощи древних мистических ритуалов соблазняет солнечного героя, который, в свою очередь, находит в ней объект удовлетворения своего неосознанного желания и цель ритуала инициации. Он должен убить именно то, что любит (по крайней мере, он так считает), и сама любовь порождает ужас, наполняя им его сердце, в котором соединение приводит к разрушению. Высшее выражение любви Отелло к Дездемоне проявляется именно тогда, когда он, видя в себе доблестного слугу Его Величества Долга, убивает жену и тем самым совершает жертвоприношение. От нее исходит целомудренное сияние звезд и совершенство форм монументального алебаstra. Уже почти задушив Дездемону, Отелло повторяет: «Таков мой долг, таков мой долг, душа моя»¹³.

Очень редко убийство дракона отождествляли с убийством возлюбленного, как в шекспировской трактовке *libbestoda* (*Liebestod* (нем.) – добровольный уход из жизни обоих возлюбленных во имя любви). Пока нас это затрагивает, по-

¹³ *Отелло*, акт 5, сцена 2, строка 1.

ка это событие остается в нашем представлении символом высочайшей трагедии, мы остаемся в плену мифа, который может достичь своей цели, разрушив нашу личность, ибо мы по-прежнему продолжаем считать такой конец жизни вершиной благородства.

«Долг», который Отелло отказывается назвать («Стыжусь назвать пред вами, девственные звезды, ее вину»)¹⁴, представляет собой миф об убийстве дракона солнечным героем. Его энергетический источник находится в ловушке Тени бессознательной фемининности, которую символизируют силы тьмы. Любовь на службе у убийства – вот чем оборачивается солярный миф в скрытой форме, которую я назвала бы патриархальной.

Такое прочтение мифа об убийстве дракона, который столь сильно затрагивает Тень бессознательной фемининности, фактически является новой интерпретацией одного из самых значительных и распространенных мировых мифов. До тех пор, пока патриархальность отождествляли с космическим миропорядком, толкование этого мифа нельзя было подвергать ни малейшему сомнению. Оно было столь же самоочевидным, как восход и заход солнца. Обратит внимание на те его аспекты, которые тормозят развитие или вообще связаны с уничтожением (например, истребление природы), – как поступаю я и некоторые другие исследователи, – значит навлечь на себя ярость патриархальной власти. Одна-

¹⁴ Там же, строка 2.

ко в мои намерения не входило всколыхнуть эту ярость. С другой стороны, я совсем не надеюсь ее заглушить. Я предпочитаю вообще к ней не обращаться, ибо хочу устремить взгляд в будущее. Я собираюсь сосредоточиться на работе с совершенно иной моделью сотворения души. По-моему, эта модель во многом была характерна для поэтов-романтиков, основная заслуга которых состояла не в создании гимна романтической любви, как полагают многие, а в глубинной ее критике. Это критическое отношение, которое слишком долго не могли распознать, становится совершенно очевидным в трагедии Шекспира, когда Отелло в конце концов был вынужден признать, что идеализированное им прежде романтическое жертвоприношение фактически оказалось просто-напросто убийством.

Ключевым моментом для понимания убийства дракона является противопоставление материи духу; при этом материя не только оказывает сопротивление духовному свету, но и стремится к разрушению во имя вечного мрака. Силы света и тьмы являются заклятыми врагами, которые вечно борются за власть; императивом для совершения действия является именно убийство, а не жертвоприношение. Совершенно неважно, насколько идеализированным должно стать это действие, чтобы повысить значимость первобытного мифологического героя; главное, что по своей сути оно остается актом убийства. Возрождающая энергия этого убийства стала со временем подпитывать иллюзии, которые больше

не находили ни рационального, ни духовного толкования. Кровь не могла заполнить пропасть между материей и духом, которую тщетно пытались преодолеть с помощью убийство дракона. Современная борьба за осознающую себя феминность предполагает отвержение самого факта убийства эмоционально заряженной женской идентичности. И это вовсе не отвержение жертв, которых требует сознание.

А теперь, обратившись к сотворению души, нам в первую очередь следует обсудить роль метафоры в созидании моста через пропасть между материей и духом. Метафора соединяет их без всякого кровопролития. Она позволяет соединиться материи и духу (в переводе с греческого *meta-phora* означает *переход через*) в результате лингвистической трансформации материального в духовные символы.

Фактически весь наш язык представляет собой метафору, ибо каждое слово – это символ. Наша повседневная речь наполнена метафорами: «Она разобрала меня по косточкам. Я его не перевариваю. Давай начнем все с чистого листа. Она – просто персик, настоящая принцесса, Поллианна¹⁵. Он – колючка, принц, бриллиант». Метафоры украшают наш язык, ибо наряду со значением несут в себе энергетически заряженные образы. Возьмем, например, известные строки шекспировского Макбета, повествующие о том, как герой узнает о смерти своей «бесценной любви»:

¹⁵ Героиня новелл детской писательницы Элиноор Портер. – Прим. ред.

Так в каждом деле. Завтра, завтра, завтра —
А дни ползут, и вот уж в книге жизни
Читаем мы последний слог и видим,
Что все вчера лишь озаряли путь
К могиле пыльной. Дотлевой, огарок.
Жизнь – это только тень, комедиант,
Паясничавший полчаса на сцене
И тут же позабытый...¹⁶

Как и большинство людей, вы можете удивиться, почему Шекспир не стал точно выражать свои мысли. И также вы, вероятно, удивляетесь, что сны не говорят прямо, что именно они означают. Предположим, Макбет сказал: «Я сведу счеты со своей короткой, пустой жизнью». Означает ли эта фраза конец всего того, что представлял собой этот великий человек и на что он надеялся? Питалось ли его воображение искрами какого-то образа, внезапно превратившегося в ничто? Слышал ли он сердцем причитания леди Макбет во время ее сомнамбулического брожения – на ощупь, со свечой в руке – в мире, где «светлее дважды – значит стать слепым»¹⁷? Удалось ли нам увидеть мерцающую во мраке свечу ее жизни, как и свечу своей собственной жизни?

По определению метафора создает материальный образ духа – или же духа *как* материи. Возникает мир, в котором эти две субстанции соединились в некую переходную фазу,

¹⁶ *Макбет*, акт 5, сцена 5, строки 19–26. Пер. Ю. Корнеева.

¹⁷ Emily Dickenson, *The Complete Poems*, no. 761.

которую можно назвать душой. Таким образом, в самой природе языка заложено постоянное взаимопроникновение материи и духа, которое изначально происходит из метафоры. Так язык придает нам ощущение мира, в котором материя и дух тесно связаны между собой. Это таинственная область «тонкого тела».

«Тонкое тело» – выражение, взятое Юнгом из алхимии, – представляет собой среду, в которой мы живем, движемся и существуем. Именно через «тонкое тело» мы воспринимаем себя и общаемся с себе подобными на любом уровне бытия. «Тонкое тело», по выражению Вордсворта, – это «мир каждого из нас, то место, где, в конце концов, мы находим свое счастье или – ничего»¹⁸. Это такая среда, где самоутверждение души происходит в результате ее первобытной идентификации с силами мрака, которые слишком долго вероломно склоняли убийц драконов, находящихся в плену своих иллюзий, совершить этот акт кровопролития, за которым якобы непременно следовало возрождение. Для иллюстрации этой трансформации материи в дух вспомним событие, ставшее известным многим из нас благодаря телевидению. В рамках этого события мне хотелось бы найти место для «тонкого тела», не имеющего ничего общего ни с полом, ни с убийством дракона, ни с очарованием бессознательной феминности. Оно в равной степени относится к человечности мужчины и женщины. Даже более того: поскольку это со-

¹⁸ «The Prelude», book 2, lines 142–144.

бытие действительно является событием мирового масштаба, включая пространственный образ земли в виде земного шара, я увидела в нем символ единения человечества, который означает внутреннее бракосочетание.

11 февраля 1986 г. президент Рейган процитировал следующие строки сонета, написанного девятнадцатилетним канадским летчиком, погибшим во время Второй мировой войны:

Все выше в безбрежно-манящие дали
Свой самолет искусно поднимаю.
Сюда даже орлы не залетают,
Уж не до шуток мне: молчу и понимаю:
Здесь царство святости, торжественный покой —
Лишь только захоти, — так шепчет разум мой, —
И Лица Божьего коснешься ты рукой¹⁹.

Президент Рейган обратился к застывшим в печали семьям семи американских космонавтов, которые вполне нормально чувствовали себя во время запуска космического корабля Челленджер, а через семьдесят три секунды после запуска перестали существовать в этом мире. Они исчезли на глазах у потрясенных родных, близких и миллионов телезрителей. Слово «пространство» приобрело для всех новый смысл. В течение мгновений космонавты превратились из

¹⁹ John Gillespie Magee, Jr., «High Flight». Стихотворный перевод Э. И. Альпериной.

материи в дух. Видевшие все это сознательно или бессознательно почувствовали, как у них внутри гаснет их собственный свет.

Как же относятся люди к жестокости этого неожиданно, бесшумного конца? Каждый из них вновь и вновь рассказывает эту историю, слушает музыку, читает стихи, гуляет на природе. В дни национальной трагедии то же самое делает телевидение, но уже в массовых масштабах. Между многочисленными периодическими повторами записи трагедии – совершенно непостижимой реальности – передают музыку, читают стихи, строки из Священного Писания: в этот момент слова сами по себе ничего не значат. Воображение с помощью метафоры построило мост, разделивший и одновременно соединивший материю и дух. Так как душа – вечная субстанция, пребывающая в материи, материальные образы, воспринимаемые пятью человеческими чувствами, содержат пищу, необходимую для души.

Дух томится в высоком порыве; материя воплощает ограничения духа. Душа играет роль посредника между ними. Когда дух падает, душа испытывает страдания. Когда темная материя получает доступ в сознание, душа тоже испытывает страдания. Суть душевного роста заключается в страдании и жертвоприношении. Сталкиваясь с духовными невзгодами, вместо отвержения духа мы приходим к духовным ограничениям. Это переходный мир. Сталкиваясь с материальными трудностями, вместо отвержения тела мы приходим к

телесным ограничениям. Это тоже переходный мир. В этот переходный мир, в «тонкое тело», проникает душа. Патриархальный страх перед фемининностью можно преодолеть, создав сосуд осознающей фемининности – восприимчивую душу, которая больше не испытывает страха ни перед материей, ни перед духом.

Странствие между небом и землей, соединение одного с другим воспринимается душой на языке поэзии, на языке метафоры, интегрирующей образ и чувство, сознание и воображение. Метафора или символ исцеляет, потому что обращается к личности *в целом*. Поэтому Юнг верил, что представление образов сновидений – это путь, ведущий к целостности.

Взрыв Челленджера был в каком-то смысле вспышкой невоплощенного духа, разум потерял человеческие границы и вышел за пределы законов природы, высокомерно переоценив возможности техники. Во время этой вспышки в микрокосме возник макрокосм. Челленджер становится метафорой. Роковая пропасть между телом и духом слишком часто заполнялась потерей сознания. Избежать трагедии можно, только признав, что эту пропасть должна заполнить душа.

В отсутствие метафоры сознание может быть сытым, но воображение и сердце могут голодать. Не наполняя душу, можно накрыть банкетный стол сновидений, но эта пища будет отвергнута, и душа останется голодной. В анализе нет ничего грустнее, когда сновидец видит сны, богатые исцеляю-

щими образами, но не в состоянии их переварить: Сознание либо неспособно, либо отказывается дать себе время, чтобы вкусить, пережевать, проглотить, пере варить и интегрировать в свою личность содержание образов сновидений.

До тех пор, пока значение сна не будет осознано, метафоры, которые поставляли наши сновидения, так и останутся в наших телах или в наших отношениях. С другой стороны, если мы усиленно работаем над тем, чтобы ассоциировать образы сновидений, насколько это позволяют чувства, воображение и разум, чтобы сплотить их вокруг символа, мы неизбежно постигаем точность метафоры. Существует момент «ДА!» или «О НЕТ!» – когда истина резонирует с телом, душой и умом, момент иногда болезненной правды, но, тем не менее, это истина, которая ведет к свободе.

«Образ-сырец» из бессознательного может поразить нас слезами или смехом, часто и тем и другим одновременно, потому что находится на грани абсурда, между трагедией и комедией. Если Эго будет ассимилировать точку зрения, предоставленную бессознательным, и смотреть *объективно*, то оно может через некоторое время приобрести новую точку зрения. Это сопровождается страданиями, но в то же время опыт страдания есть мука рождения. Эго, которое связано с душой (правополушарное мышление, если угодно), переносит эти образы сновидений в живопись, танец, музыку, скульптуру, литературное творчество, что позволяет превратить то, что иначе было бы мертвым изображением, в энер-

гию жизни, в процесс исцеления.

Трансформация совершается через метафору. Без метафоры энергия не находит себе выхода, замыкаясь в повторяющихся формах поведения: Медуза превращает энергию в камень. В творческой структуре символ свободно парит между материей и духом, исцеляя дух.

У детей, как правило, духовность отсутствует, поэтому для них мир все еще является волшебным. Детское воображение оживляет детские тела. Они играют, причем делают это, полностью увлекаясь игрой. С детских уст слетают сверхъестественно мудрые слова, однако они бессознательны. В нашей культуре в процессе взросления рациональное мышление постепенно вытесняет образное восприятие, причем до такой степени, что воображение совершенно задыхается. А без него спонтанность и творчество превращаются в камень. Когда вечная первоизданная сущность прекращает пропитывать повседневность, жизнь превращается в постоянное повторение однообразной механической работы. Суд фемининности, который служит источником жизненного восприятия, закрывается так плотно, что не улавливает ничего нового. Противоположности (дух – материя, мужское – женское) перестают восприниматься как живое противоречие. Без напряжения, остроумия, шуток, игривости, которые создает жизнь, теряется то, что придает ей вкус. При столкновении двух разных реальностей раздается взрыв смеха, и если нам суждено прожить божественную комедию, обя-

зательно следует поддерживать напряженность, созданную противоречием между этими двумя мирами.

Один из величайших драматургов нашего времени, Сэмюэл Беккет, мастерски умел создавать это напряжение. В главных сценах его театральных постановок, в литературных диалогах и в характерах его героев возникают незабываемые образы и обнажается суть вещей. Так, например, в его пьесе «Игра на финише» слепой Гамм правит своим однокомнатным царством, сидя в инвалидном кресле и сардонически насмехаясь над безногими родителями, которых он запихнул в стоящие рядом мусорные баки. Одновременно он издевается над своим слугой Кловом, который больше не устраивает Гамма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.